

УДК 821.161

Нин Шилэй
Ли Сяньшу

<https://orcid.org/0000-0003-1015-3943>
<https://orcid.org/0000-0001-9033-4909>

**Медицинский и колониальный дискурсы
в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»**

Для цитирования: Нин Шилэй, Ли Сяньшу Медицинский и колониальный дискурсы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 118–132. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-118-132

В статье представлены анализ идейно-медицинского контекста книги «Остров Сахалин», рассмотрение чеховского отношения к медицине и литературе, анализ различных (в том числе зарубежных) подходов к изучению медицины и проблем колонизации в художественных текстах. Тема является актуальной в том числе и, потому что, как известно, в XIX веке публицистика была весьма ограничена правительством как в самом выборе тем, так и в ракурсах их освещения. Во многом роль защитника простых людей, в том числе и ссыльнокаторжных, взяла на себя литература. Авторы рассматривают, как, помимо отсутствия зачастую элементарной медицинской помощи, антисанитарии, специфики местных условий, вызывавших различные заболевания, у людей, не привыкших к такому климату людей на острове Сахалин, появились такие чувства как одиночество, тоска, уныние, нежелание жить, – словом, все те симптомы, которые сейчас принято называть депрессией и психопатологией. А. П. Чехов за счет ряда художественных приемов создает сатирический эффект и дезавуирует утверждения начальства. Авторы демонстрируют, что основное внимание в книге А. Чехова уделяется условиям жизни людей и серьезным ошибкам, допущенным государством в ходе освоения Сахалина. Сопоставляя чеховские наблюдения со статистикой и фактографическим материалом, почерпнутым в иных источниках, авторы обращают внимание на непонимание государственными чиновниками значения Сахалина для России, необходимость освоения природных богатств, недопустимость игнорирования местных этнических и культурных условий, пренебрежения к людям и т. д. В статье делается вывод о том, насколько тесно чеховские наблюдения соотносятся с выводами из юридических, экономических и исторических источников того времени.

Ключевые слова: медицина, колонизация, междисциплинарный подход, душевное здоровье личности, социальный аспект медицины, концепция личности и общества.

Ning Shilei, Li Xianshu

Medical and colonial discourses in A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island"

The article presents an analysis of the conceptual and medical context of the book "Sakhalin Island", examines Chekhov's attitude to medicine and literature, and analyzes various (including foreign) approaches to studying medicine and problems of colonization in literary texts. The topic is also relevant because, as we know, in the XIX century publicism was rather restricted by the government, both in the choice of topics and in the ways of their coverage. In many ways, literature took on the role of defender of ordinary people, including exiled convicts. The authors examine how, in addition to the lack of basic medical care, poor sanitation, and the specific local conditions causing various illnesses in people unaccustomed to Sakhalin climate, these people had feelings such as loneliness, melancholy, despondency, and unwillingness to live - in short, all the symptoms that are now commonly referred to as depression and psychopathology. Through a number of literary devices, A. P. Chekhov creates a satirical effect and disavows the authorities' allegations. The authors show that the focus of Chekhov's book is on the living conditions of the people and the serious mistakes made by the state during the exploration of Sakhalin. Comparing Chekhov's observations with statistics and factual data from other sources, the authors emphasize that government officials do not understand the importance of Sakhalin for Russia, the need to develop its natural resources, the inadmissibility of ignoring local ethnic and cultural conditions, the neglect of people, etc. The article concludes that Chekhov's observations are closely related to legal, economic, and historical records of the time.

Key words: medicine, colonization, interdisciplinary approach, mental health of personality, social aspect of medicine, concept of personality and society.

Хорошо известно, что публицистика конца XIX века по своему языку и содержанию представляла собой очень пестрое явление. Один из полюсов ее был детерминирован естественными представлениями и непрерывно совершающимися изысканиями ученых, второй – был порожден задачами формирующейся гигиенистики и ее общественным пафосом, который складывался на фоне удивительных научных открытий того времени.

А. П. Чехов провел на Сахалине почти три месяца. В поездках по острову он побывал во всех тюрем-

ных замках, осматривал место работы каторжных, «инспектировал» лазареты и больницы, где познакомился со всеми врачами, фельдшерами и другими служащими, администраторами каторги, изучал быт ссыльнопоселенцев.

Для своей работы Чехов наметил две ключевые задачи. Во-первых, он находился под влиянием актуальных тенденций российской юриспруденции, и его интересовало соотношение правовой сферы, регламентируемой законами, и аспектов реального положения сахалинского населения. Чехова интересо-

вала проблема эффективности и соразмерности (справедливости) наказания в пенитенциарной системе того времени. Во-вторых, как врач, он интересовался социальными нормами существования каторжных, ссыльнопоселенцев в условиях жизни, которые иначе как дикими назвать трудно. Он неизбежно становился свидетелем и отразил, насколько это было возможно в книге, своих письмах и рассказах, острые правовые конфликты, возникающие постоянно между чиновниками каторги всех «отраслей» (солдатами, офицерами, фельдшерами, докторами и т. п.) и островным и губернским начальством [Чехов, 1983].

Некоторые из докторов и фельдшеров становятся персонажами книги «Остров Сахалин». Отношение Чехова к ним достаточно сложное: изображение их поведения остается нерегламентированным и по большому счету безоценочным. Это врач Тымовской лечебницы В. А. Сасапарель и Б. А. Перлин, младший врач лазарета в Александровском посту, дуйский доктор В. А. Зихер, фельдшер С. И. Иванов, военный врач Корсаковской военной команды Зборомирский. По цензурным условиям писатель был лишен возможности прямо говорить о беспорядках и их непосредственных виновниках, среди которых, к сожалению, он встречал и докторов, вроде Б. Перлина и А. Давыдова. Чехов возмущенно констатировал бесконечную ди-

кость и косность сахалинского управления, соответствовавшие махровому средневековью. Он видел, что многие должностные преступления, всевозможные проявления халатности, прямой и косвенной жестокости характеризуют деятельность вполне интеллигентных и образованных служащих [Чехов, 1983, с. 114–370].

Помимо описания встреч и общения с докторами, косвенных рассказов о тех, кто служил на каторге до прибытия туда Чехова, книга наполнена статистикой, органично вписанной в сложную повествовательную структуру обозрения. В III главе автор вводит этот мотив, сопровождающий и самые эмоциональные, тонкие в художественном отношении эпизоды. Статистика «начинается» в книге со слова «перепись». Чехов осуществил полную перепись населения острова почти в одиночку, лишь в некоторых случаях прибегая к услугам добровольных помощников. На статистике строится беллетристическое по своему характеру изображение, но и наоборот – статистическая картина поражает читателя своим эмоциональным напряжением. Поэтому до сих пор не утихают споры о природе книги Чехова – документальная она или художественная.

В III главе Чехов говорит об общих принципах своей переписи, а также разъясняет структуру своей карточки-анкеты, как она отражает его интерес к сахалинского быта [Чехов, 1983]. XXIII глава книги

насыщена медицинским содержанием в чистом виде. Общие сведения о болезненности и смертности, основах организации медицинского дела на каторге получают свое завершение в описании Александровского лазарета. Используемые Чеховым сведения носят широчайший характер. Он использовал официальные документы каторжной медицины и администрации, это были и «Ежемесячные отчеты о количестве больных в поликлиниках», и «Ведомости о приходе и расходе медикаментов в лечебных заведениях гражданского ведомства на о. Сахалине», и метрические книги местной церкви, и «Устав о ссыльных» и мн. др. [Чехов, 1983].

Исследуя каторжных самостоятельно и изучая отчеты других медиков, Чехов ставил вопросы об этиологии многих болезней, причиной которых становился островной климат, воспетый М. С. Мицунем, одним из пропагандистов колониальной модели освоения Сахалина, автором книги «Остров Сахалин в сельскохозяйственном отношении», дурные условия работы каторжных и поселенцев, а также многочисленные промахи в работе администрации, безрезультатно фиксируемые в официальных отчетах: «доставка за восемь верст бревен от 6 до 8 вершков в диаметре четырехсаженной длины производится тремя рабочими <...> тяжесть бревна в 25–35 пуд<ов>» (из отчета д-ра Б. А. Перлина) [Чехов, 1983, с. 361–362]. В другом эпизо-

де: «... ссуда, как и многое другое, долго заставляет себя ждать, парализуя охоту к домообзаводству... В прошедшему году осенью <...> мне приходилось видеть дома, ожидающие стекол, гвоздей и железа к задвижкам в печах, ныне я тоже застал эти дома в подобном ожидании» – из приказа начальника острова [Чехов, 1983, с. 234].

Чаще всего Чехов осознал, что статистика вопиюще неполна. Многие болезни, зафиксированные менее 10 раз за год (такие как дизентерия или кровавый понос), в действительности имели эпидемический характер. Книга «Остров Сахалин» демонстрирует немало ситуаций смягчения или искажения статуса тех или иных негативных явлений. Так, например, статистика смертности от чахотки учитывает только православных, но, если прибавить магометан, «умирающих обыкновенно от чахотки», процент «выйдет внушительный» [Чехов, 1983, с. 362]. Для Чехова важно было опровергнуть сложившуюся в официальной сахалинской публицистике картину климатического благополучия и показать, что страдают и умирают от болезней не только старики, но и вполне молодые, 20–30-летние, люди, страдающие не только от заразных болезней, но и от нестерпимой тоски по родине, приводящей к прямому сумасшествию [Чехов, 1983]. Поэтому писатель восставал против хора голосов «старых корреспондентов», выступавших за организацию коло-

нии на Сахалине и, следовательно, отрицавших повальный характер цинги и других бедствий, состаривающих каторжного в два раза быстрее. Чехов показывает, как катастрофически быстро «молодеют» все болезни, поражающие материкового человека гораздо позже. Его недоумение связано с тем, что медицинское обслуживание на острове, при относительной малочисленности каторжного населения и поселенцев, могло бы быть почти идеальным, однако существующая картина, скорее, свидетельствует о его отсутствии.

Рассматривая статистику жалоб на плохое здоровье и болезни, Чехов нередко говорит о том, что каторжные не приучены к мягкотелости и сами редко обращаются за помощью, особенно если речь идет о случаях неврологического, психического расстройства или маразма. И, конечно, писатель при этом пытается установить общие причины заболеваний, описать сезонную и иную этиологию заболеваемости. Холод, чрезвычайная влажность, отсутствие солнца дополняет отвратительное питание, зараженная вода, повсеместный алкоголизм.

Материалы, собранные Чеховым за три месяца, были использованы для написания книги «Остров Сахалин», которая могла бы рассматриваться как существенное подспорье в работе Чехова в университете. Но идея приват-доцентуры была отвергнута, как следует из рассказа Г. И. Россолимо, тогдашним дека-

ном медицинского факультета И. Ф. Клейном [Гитович, 1986]. Но книга «Остров Сахалин» возымела действие. В 1896 году на остров была направлена комиссия правительственного комитета для нового изучения, а еще через 10 лет, по окончании войны, колониционный проект был свернут.

Литература XIX века накопила весьма глубокий опыт объективизации социального материала в условиях цензурного прессинга. Хорошо известна опровергающая, высмеивающая сила хроникального, летописного (например, дневникового), как бы объективного свидетельства, когда, устранившись от стилистики обличения, автор достигает чрезвычайного накала эмоций и опровергает систему, построенную на унижении и воровстве. В языке прозы Чехова мы находим интересные формы критики и разоблачения. Их природа носит сложный характер, питаясь объективностью нехудожественного (естественно-научного) дискурса и лиризмом (и даже более прямолинейно – эмоциональностью) описаний общего характера. Общие конструкции статистики и просветительской гигиены, перерабатывая оба потока, порождают сложный образ сахалинской публицистики Чехова.

Следовательно, мы можем задать вопрос: какова типология форм критики и форм разоблачения? Они сильно отличаются друг от друга. Разоблачение – это доказательство неправоты, а критика –

это анализ правоты. Однако их взаимосвязь представляется малоисследованным полем для филолога. Интересно, как Чехов использовал формы критики и разоблачения в книге «Остров Сахалин». Писатель неоднократно обращает внимание на условия жизни людей. При описании изб ссыльнопоселенцев, тюремных барачков, лазаретов он обязательно приводит сведения о гигиеническом состоянии этих помещений. Мотив гигиены проникает в заголовочный комплекс «Острова Сахалина». Например, раздел 19-й главы называется «Что и как едят арестанты», разделы 9-й главы – «Жилища. Гигиеническая обстановка», а разделы 5-й главы – «Общие камеры» и «Отхожие места» и т. д.

Внимание к гигиене составляет своего рода первичный слой в попытке Чехова решить задачу, связанную с декларацией гуманистического идеала, пониманием той меры человечности, ниже которой личность разрушается, а общество раздробляется до такого состояния, когда понимание ценности отдельной жизни как бы атрофируется. Чехов стоял перед очень трудным испытанием – выработать инструментарий, который позволил бы ему уйти от привычных литературных форм воплощения эмоциональной оценки и пафоса. Ему приходилось осваивать язык цифр и логической аргументации, ускользающей от цензурного внимания, чтобы показать губительность законов.

Таким образом, процесс разоблачения начинается как бы исподволь, вытекает из элементарных подсчетов и сопоставлений, с которыми невозможно спорить. Книга крайне осторожно выражает идеи Чехова. По различным мемуарам, и в частности того же Г. И. Россолимо, из разрозненных фактов и мелочей мы знаем, что Чехов не сближался со студентами, сочувствующими народническому движению, несмотря на то что таковых было очень много на всех курсах и факультетах и несмотря на то, что середина 1880-х стала очень драматичным периодом в истории партии «Народная воля» [Гитович, 1986]. Впоследствии позиция Чехова оставалась дистанцированной от мнений радикальных слоев русского общества. Однако Чехов неизменно придерживался гражданской позиции в своей прозе и драматургии («Припадок», «Спать хочется», «Скучная история», «Иванов»). И в «Острове Сахалине» он свидетельствует обо всех бедах, которые суждено пережить несчастным представителям русского народа. Заведомо отказавшись от художественных приемов, словно вспоминая навыки научного работника, освоенные в годы студенчества, он формирует свою позицию в книге постепенно, непредвзято и, в каком-то смысле, внепартийно. Но смысл картин, показанных им, от этого не становится более мягким и завуалированным. Прямота Чехова сви-

детельствует о его гражданском мужестве.

Рисуя страдания простого человека, русского или, как в то время принято было выражаться, инородца, Чехов акцентирует внимание читателей на страданиях каторжников, на беспомощности властей и тем самым, возможно, вызывает негативную реакцию народнической критики, еще сохранившей в литературе и публицистике довольно сильную позицию. Это объясняется тем, что Чехов не формулирует призыв к борьбе против самодержавия, против негуманного закона, а стремится показать, что существующая правовая и экономическая система могла бы обеспечить сносное существование каторжных. Это не единственный смысловой аспект книги. И Чехов, конечно, был занят решением и другой задачи, которая как бы конкурировала с первой: это опосредованное цифрами изображение атрофии власти, пренебрежение к низшему сословию и к человеку, лишенному всех прав состояния независимо от его прошлого.

Не столько подробное описание тяжести каторги, человеческих страданий, бессмысленности многих установлений, а отсутствие программы, ответов на «проклятые» вопросы спровоцировало отрицательную оценку книги «Остров Сахалин» или молчание критики. Чехов шел вразрез с установившимися еще в середине XIX века канонами публицистики, от которой

читатели ждали не только ответа на поставленный вопрос, но и программы действия. Вместо этого Чехов рассказывал, как он вмешивался в процесс лечения какого-нибудь вполне случайного больного и сколько скальпелей оказалось тупых, как долго «ассистенты» искали средства дезинфекции при том, что расходы на медицину, зафиксированные в официальных документах, превышали показатели стандартно образцовых лечебниц в Московской губернии. Для властителя дум это было мелковато: «Не боги горшки обжигают», как сказал Базаров Аркадию Кирсанову.

Можно сказать, что Чехов в книге не только отказался от своих привычных приемов изобразительности, но и уклонился от публицистичности современной повременной печати. Такая независимость и могла быть воспринята негативно, однако это требует особых историко-литературных разысканий в рамках другой работы.

И все же книга «Остров Сахалин» не только вызвала резонанс в обществе, но и проложила иные пути для развития прозаического дарования самого Чехова. После Сахалина он почти не обращается к своему юмористическому методу. Комизм чеховской прозы, продолжая набирать высоту, резко уходит в тень новых социальных интересов. Наполненный впечатлениями о поездке, пропитанный сахалинским кошмаром, он создал очень разные произведения, но среди них не

только проза «Убийства», «Моей жизни», «Мужиков», «На подводе», «Архиерея», но и замечательные пьесы, отношение которых к сахалинскому «дискурсу» выявлено не до конца: «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад».

При этом методы писателя открыты. Он позволяет читателю следить за своими рассуждениями, раскрывает источники, на которые опирается в работе, хотя это и необязательно. Ситуации понятности способствует и включенность сахалинского сюжета в широкий политический, общественный тематический план. Автор рассказывает об истории исследования острова, описывает отношения России и Японии, отчасти наблюдает и за гилеяками и айнами, хотя этнические вопросы его интересуют не в первую очередь, особенно на фоне злейших, воистину трагических, перипетий «женского вопроса» в островной ситуации. И начатая им перепись каторжного и ссыльного населения создает условия для максимально широкого и открытого рассуждения о злобе дня, рассуждения, не замкнутого узкопрофессиональными или партийными интересами. Такой подход позволил ему не только познакомиться с условиями жизни во всех тюрьмах и поселениях острова, проникнуться настроением каторги. Он смог изучить моральный облик администрации каторги. Таким образом он получил возможность ставить вопросы различного характера.

Критика могла бы упрекнуть Чехова в искажении материалов и излагаемых фактов. Претензии эти, как известно, возникли в ходе журнальной публикации книги и некоторое время тянулись, досаждая Чехову. Однако носили они, в основном, непринципиальный характер [Теплинский, 1957].

Мы не можем сомневаться в правдивости Чехова, несмотря на общий для всех текстов и повествовательных форм тезис о неизбежной субъективности изображения и оценки. Вряд ли что-то в книге можно оспорить, по существу, потому что Чехов воздействует на читателя и, таким образом, на политическое status quo тюремной России всей массой статистического материала, не избирая для атаки отдельные узлы пенитенциарной системы. Чехов привлек внимание широкой общественности к бедственному положению русского преступника. Он не был первым на этом пути и подхватил традицию, намеченную великими писателями – А. И. Герценом, Ф. М. Достоевским. В 1890-м году в России (в Санкт-Петербурге) прошел международный тюремный Конгресс – это было уникальное для Европы и США (до 1910 года) и единственное событие такого размаха в русской истории в то время. Чехов в это время находился уже в Восточной Сибири, миновал Иркутск. Делегаты конгресса заслушали множество сообщений о преобразовании исправительной системы в Ев-

ропе и России. В частности, на заседаниях выступал И. Я. Фойницкий, известный русский правовед, профессор Петербургского императорского университета, давно уже начавший читать лекции по тюремоведению, который говорил, что тюремных чиновников нужно учить их будущему служению и подвергать строгому кадровому отбору. Книгу Фойницкого «Учение о наказании в связи с тюремоведением» Чехов использовал в работе на «Острове Сахалином» [Фойницкий, 1889].

На конгрессе предполагалось рассмотреть вопросы улучшения условий содержания в тюрьмах, методов наказания и предупреждения преступлений и др. Чехов писал в своей книге: «Главное тюремное управление, давая в своем десятилетнем отчете критический обзор каторги, замечает, что в описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мерой. Да, то была высочайшая мера беспорядка, какой когда-либо создавали невежеством, равнодушие и жестокость» [Чехов, 1983].

«Почти 10 000 карточек, составленных Чеховым практически единолично (изредка он использовал помощь сахалинских знакомых), хранятся сейчас в фондах Российской государственной библиотеки. Карточка состоит из 13 пунктов: название поста или селения; звание записываемого; имя, отчество, фамилия и т. д. Отсутствовала графа о совершенном преступлении. Это не

было случайным и свидетельствовало лишь об одном: в данном случае писателя интересовало только наказание, т. е. вся исправительная система, которая бытовала на Сахалине. Эти карточки создали образ невероятной силы» [А. П. Чехов, 2005, с. 600].

Чехов пошел по пути Герцена и Салтыкова, Лескова и Л. Н. Толстого, ориентируясь на их лучшие публицистические выступления. Он создал невымышленную прозу необыкновенного накала, хотя мог пользоваться весьма ограниченным в этом отношении арсеналом изобразительных средств. Документальность книги «Остров Сахалин» ни у кого не вызывает сомнений, хотя ее эмоциональность делает ее конкурентоспособной с лучшими образцами такой прозы.

Вслед за Фойницким, опираясь на собственные наблюдения, Чехов говорит, что ужас каторжной тюрьмы берет начало в административной модели, которая, в свою очередь, проистекает из общих российских, глубоко укоренившихся, проблем. И поэтому писатель никогда не уклонялся от возможности показать, как легко в России неграмотный и простодушный человек становится жертвой судебной ошибки, как процветает на Сахалине воровство, какой вопиющий беспредел допускает высшее начальство острова и всей губернии, глядя сквозь пальцы на должностные преступления и халатность чиновников.

Были и другие «итоги». Как наиболее яркие и типичные отметим две ветви. Одна из них может быть представлена брошюрой Н. С. Лобаса «Каторга и поселение на Сахалине» (1903), легендарного сахалинского доктора. Вторая – книгой «Сахалин» Власа Дорошевича, одного из самых ярких журналистов рубежа XIX-XX веков. Несмотря на то, что Николай Степанович Лобас Дорошевича и Чехова отмечает, как наиболее ярких и капитальных своих предшественников, – авторов о сахалинской каторге, книга Дорошевича своей беллетризованностью сближается со знаменитыми очерками П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина) «В мире отверженных» и отходит от традиции, намеченной записками Ф. М. Достоевского.

Названные авторы не предпринимали особых статистических поисков, правда, Н. С. Лобас говорит о массе несправедливостей, им обнаруженных, все же его книжка такой глубины, как чеховская, не достигает. Чехов мыслит данными универсально. Его интересует образование в системе тюрем всех сахалинских округов, состояние детских учреждений, библиотек, а не одной медицины. Так он может показать, что отсутствует помощь как таковая, а не только медицинская или социальная. Об этом он рассказывает со всей беспристрастностью, создавая уникальный образ на грани художественного повест-

ования и журналистского расследования.

«Остров Сахалин» произвел большое впечатление на русское общество, заставив царское правительство, после его появления, выделить специальную комиссию для расследования положения на острове. Чехов уделяет истории изучения Сахалина значительное внимание. В основном историко-географическим аспектам он посвящает первую и вторую главы книги «Остров Сахалин». Однако в дальнейшем почти любой вопрос сахалинской организации он стремится установить на историческую почву. Используя значительный объем газетных и журнальных публикаций, данные книг, академических трудов и записок, травелогов разного времени, Чехов воссоздает объективный образ восточной окраины Российской империи. Любопытно, что в тексте «Острова Сахалина» и предшествующих ему очерков «Из Сибири» возникает и некий параллельный мир – мифический [Чехов, 1983; Шишпаренок, 2010]. Это своего рода реконструкция образа Сибири и русской колонии в сознании местного населения.

В целом масштаб видения Чеховым сибирских и дальневосточных просторов при том, что писатель, конечно, не мог собрать исчерпывающую библиографию, оказывается неохватным благодаря способности извлечь из источника максимум деловой и эмоциональной информации. Ему удается быть одно-

временно и точным в реконструкции истории географического описания острова, и лирически внятными для читателя вследствие, может быть, необыкновенной художественной пытливости. В результате становление карты острова, его береговой линии не отрывается от истории деятельности тех храбрецов и подвижников науки, которые для рядового читателя давно превратились в застывшие смыслы, некие иконы в смысле абстрагированности и дистанцированности от живой жизни. Чеховский подход возвращает в ставшую хрестоматийной историю освоения Сахалина элемент человечности и естественным образом делает ее современной, актуальной. В этом заключается синтез художественного и документального начала в поэтике книги.

Готовясь к поездке, Чехов изучил записки множества экспедиций – И. Крузенштерна, Ю. Лисянского, Г. Невельского и др. Но его интересовали и формы беллетристические и полубеллетристические – «Фрегат “Паллада”» И. Гончарова, рассказы В. Г. Короленко и т. д. Антон Павлович изучил множество этнографических исследований не только о Сибири и Сахалине, но и, например, о Японии. Так, например, поиски о координатах западного побережья острова (или полуострова, как считали все предшественники Г. Невельского) и глубине Татарского пролива, удельном весе воды в нем получают

развитие в размышлениях о характере исследователей. Отсюда примечательные дополнения, вроде тех, что Крузенштерн «обрадовался немало» запискам В. Браутона, поскольку его «точил червь сомнения» [Чехов, 1983, с. 47]. Или о русском государе, который нашел поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» [Чехов, 1983, с. 48].

Рассуждение о картах острова и пролива имеет полукомическое продолжение (и это при том, что Чехов чрезвычайно высоко ценил научную традицию, когда не нужно до всего доходить своим умом): «Командир “Байкала” не доверяет официальной карте и смотрит в свою собственную, которую сам чертит и исправляет во время плавания» [Чехов, 1983, с. 50]. Деление острова также претерпело со временем метаморфозу, о чем Чехов сообщает в привычной ему манере: «Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь делят только на северный и южный» [Чехов, 1983, с. 53]. Такое же впечатление производит портрет генерала В. Кононовича, начальника острова, который «до своего назначения на Сахалин в продолжение 18 лет заведовал каторгой на Каре; он красиво говорит и красиво пишет и производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями» [Чехов, 1983, с. 60].

Разумеется, возникают и обратные «проекции». Знакомство с бароном А. Н. Корфом началось вполне «душевно»: «Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около получаса», – но затем во время торжественного обеда генерал-губернатор произносит речь, которая производит весьма сложный эффект: «Я убедился, что на Сахалине „несчастливым“ живется легче, чем где-либо в России и даже Европе. В этом отношении вам предстоит сделать еще многое, так как путь добра бесконечен”. Он пять лет назад был на Сахалине и теперь находил прогресс значительным, превосходившим всякие ожидания. Его похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания, но слушатели должны были верить ему: настоящее в сравнении с тем, что происходило пять лет назад, представлялось чуть ли не началом золотого века» [Чехов, 1983, с. 64]. Чехов широко привлекает данные из работ современных исследователей каторги и колонии, также опирающихся на исторические разыскания, например, колонии в Новом Южном Уэльсе в Австралии [Фойницкий, 1889].

Сахалинская каторга – один из наиболее ярких колонизационных проектов в новой истории России. Вопрос о колонии в политическом целом империи – это весьма сложная и динамичная проблема, мар-

кирующая семантическое поле границы. С одной стороны, это реальная граница империи, с другой – предел правового поля. Во всех ситуациях, отмеченных на этой шкале ценностей, складывается проза, говорящая об отношении к человеку и пространству. В первую очередь, это публицистика, стремящаяся определить градус каждой атаки на личность и местность, говорящая о разрушительности и созидательности – в зависимости от того, какой партии она служит.

Любой аспект колонизации весьма чувствителен. XIX век – изобретатель синтетических форм колонизации в широком смысле. Это время интересно тем, что тогда соединились две формы колонизации – насильственная и относительно мирная. По отношению к последней, изучив различный опыт официальной, земской и беллетристической публицистики, можно сказать, что переселение в России, в условиях плохо информированной народной массы, приобретало самые прихотливые формы. Но необходимо учитывать, что в России процветала и колонизация идейно-философского характера – в рамках неэкономического, этического и жизнестроительного содержания (социалистические, народнические, толстовские коммуны, не говоря о сектантах, ведущих свою историю как минимум с момента раскола).

Приступая к пониманию проблемы «Сахалин как колония»,

нельзя обойти стороной вопрос о правомерности формулировки вопроса о колониальном положении острова, рассматриваемого как часть России. Какие территории в России считались колониями? Единственным русским владением, которое имело официальный статус колонии, была Русская Америка. Что касается других территорий, то конфликты еще не закончились. Например, в течение почти двух столетий шел спор о статусе Сибири в составе Российской Империи. Ведущим, однако, следует считать мнение В. О. Ключевского, рассматривавшего историю России как непрерывный процесс колонизации. Вслед за ним эту концепцию разрабатывал его ученик С. Соловьев. Эрозия своей культуры под влиянием негативных тенденций современного мира, сокращение площади традиционного обитания, разрушение традиционного жизненного уклада, интеграция коренных народов в непривычный образ жизни, массовая миграция наемных рабочих, каковыми формально считались каторжные Сахалина, под влиянием корысти купцов и акцио-

нерных (например, угледобывающих) компаний, вытеснение родного языка, религиозных обычаев и быта вели к утрате нивхами и уйльта их этнической самобытности.

Таким образом, рассмотрев специфику медицинского и колониального дискурсов в книге Чехова, можно сделать вывод, что для такого писателя, как А. П. Чехов, считавшего, как известно, что человек создан для счастья, увиденные картины человеческих страданий стали огромным потрясением, и как человек действия, он не просто констатировал бесчеловечность условий существования людей, но предпринял все возможные усилия, чтобы изменить условия жизни на острове по всем направлениям – гражданско-правовому, медицинскому и культурному. Также писатель сформулировал мысли о цели и формах развития Сахалина, что далеко выводит книгу писателя за рамки жанра путевых заметок, да и за рамки художественной литературы вообще.

Библиографический список

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / вступ. ст. А. Туркова ; сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. Москва : Художественная литература, 1986. 735 с.
2. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. Санкт-Петербург : В типографии Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
3. Архангельский П. А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. Москва, 1911. С. 28–32.

4. Архангельский П. А. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским. Москва : Типография В. В. Исленьева, 1887. 325 с.
5. «Быть может, пригодятся и мои цифры» : материалы Сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год. Южно-Сахалинск, 2005. 600 с.
6. Высоков М. С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.
7. Куркин П. И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892-1894 гг.) // Общественный врач. 1911. № 4. С. 66–69.
8. Малиновский И. А. Университет в сочинениях А. П. Чехова. Томск : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1904. 25 с.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Москва : Наука, 1974–1988. 584 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Москва : Наука, 1974–1988. 544 с.
11. Шишпаренок Е. В. Понимание сибирского мифа в творчестве А. П. Чехова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 207 с.
12. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Reference list

1. A. P. Chehov v vospominanijah sovremennikov = A. Chekhov in memoirs of contemporaries / vstup. st. A. Turkova ; sost., podgot. teksta i komment. N. I. Gitovich. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. 735 s.
2. Arsen'ev K. I. Statisticheskie ocherki Rossii. = Statistics outlines of Russia. Sankt-Peterburg : V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1848. 503 s.
3. Arhangel'skij P. A. Iz vospominanij ob Antone Pavloviche Chehove = From memoirs of Anton Pavlovich Chekhov // Otchet Blagotvoritel'nogo obshhestva pri Voskresenskoj zemskoj lecebнице Zvenigorodskogo uezda za 1910 g. Moskva, 1911. S. 28–32.
4. Arhangel'skij P. A. Otchet po osmotru russkih psihiatricheskikh zavedenij, proizvedennomu po porucheniju Moskovskogo gubernskogo zemskogo sanitarnogo soveta vrachom Voskresenskoj zemskoj lecebницы P. A. Arhangel'skim = Report on the inspection of Russian psychiatric institutions, carried out on behalf of the Moscow provincial sanitary council by P. A. Arkhangelsky, a doctor of the Voskresensk district hospital. Moskva : Tipografija V. V. Islen'eva, 1887. 325 s.
5. «Byt' mozhet, prigodjatsja i moi cifry» : materialy Sahalinskoj perepisi A. P. Chehova. 1890 god. = “Maybe my numbers will be useful, too” : materials of the Sakhalin census by A. P. Chekhov. 1890. Juzhno-Sahalinsk, 2005. 600 s.
6. Vysokov M. S. Kommentarij k knige A. P. Chehova «Ostrov Sahalin». = Commentary on A. P. Chekhov's book Sakhalin Island. Vladivostok ; Juzhno-Sahalinsk : Rubezh, 2010. 848 s.

7. Kurkin P. I. Anton Pavlovich Chehov kak zemskij vrach. Materialy dlja biografii (1892-1894 gg.) = Anton Pavlovich Chekhov as a provincial doctor. Materials for biography (1892-1894) // Obshhestvennyj vrach. 1911. № 4. S. 66–69.

8. Malinovskij I. A. Universitet v sochinenijah A. P. Chehova. = University in the works of A.P. Chekhov. Tomsk : Tovarišhestvo skoropechatni A. A. Levenson, 1904. 25 s.

9. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Moskva : Nauka, 1974–1988. 584 s.

10. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochinenija: v 18 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Moskva : Nauka, 1974–1988. 544 s.

11. Shishparjonok E. V. Ponimanie sibirskogo mifa v tvorčestve A. P. Chehova. = Understanding of Siberian myth in the works of A. P. Chekhov. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2017. 207 s.

12. Jadrincev N. M. Sibir' kak kolonija: k jubileju trehsotletija = Siberia as a colony: the 300th anniversary. Sankt-Peterburg : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1882. 471 s.